

*Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?*

А. С. Пушкин. Труд

Есть книги, которые приобретаешь для немедленного прочтения. Это, как правило, книги на модные, животрепещущие темы либо те, что на слуху у читающей публики, новые вещи известных писателей и публицистов, политиков и деятелей культуры, знать которые просто необходимо сегодня и сейчас, ибо незнание таковых считается дурным тоном, или, в архаичном понимании, моветоном... Увы! Очень часто результатом их «проглатывания» является изжога, явное разочарование, а сиюминутный их блеск и кажущаяся глубина оказываются мишурой, и они быстро забываются.

Но есть и другие книги, приобретаемые для последующего, неспешного и «вкусного» прочтения. Для них уж точно ожидаешь особого настроения и состояния духа, даже особого времени года, такого, как, скажем, поздняя ненастная осень либо трескучая и вьюжная зима, — когда прогулкам на свежем воздухе предпочитаешь уютный диван, теплый плед и неяркий рассеивающий свет торшера или бра над головой. Эти фолианты могут ожидать тебя и год, и десятилетие — и все равно дождутся. Вдруг словно прозвонит неслышный звонок или удачно ляжет карта, либо события и мысли сойдутся в некоем эпицентре и подтолкнут тебя к мысли: пора! Тогда, отвлекаясь от всего сиюминутного, наносного, снимаешь с полки долгожданную книгу, поглаживая ее, мысленно здороваешься с ней и... неспешно погружаешься в мысли и чувства твоего молчаливого собеседника, переносишься в неведомый мир, открываемый перед тобой незримым рассказчиком...

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...*

А. С. Пушкин. Я памятник себе воздвиг...

Великий сын земли русской. Все мы росли с его стихами и сказками, взросли с его поэмами и драматическими произведениями, проникались жизненной мудростью вместе с ним, каждый раз открывая в его творчестве для себя что-то новое и неизведанное, перечитывая, казалось бы, знакомые с детства строки его поэзии и прозы, скорбя и негодуя по поводу такой нелепой и такой закономерной трагической кончины его.

Над тайной жизни и таинственной притягательной силой творчества великого поэта ломало голову не одно поколение наших соотечественников, и обязательно литературоведов и любителей российской словесности. За кажущейся изящной простотой и удивительной, ни с чем не сравнимой поэтикой его стихов скрываются такие бездны и глубины, в которые хочется погружаться вновь и вновь. Но сколько же нужно знать и понимать, чтобы не только прикоснуться, но и по-настоящему оценить все безмерное богатство и чистоту этого родника...

Некоторые особо одаренные исследователи его творчества стремились пойти дальше: пронести этот божественный литературный дар не только «по всей Руси великой», но попытаться донести его до других народов мира. Чтобы и они могли пригубить от этого святого источника русской культуры. Безусловно, весьма трудное это дело, как некогда и само построение библейской Вавилонской башни: слишком велики барьеры и языковые преграды. И неизвестно, чего больше бывает при такой языковой трансформации — потеря или приобретений. Но — если человек настойчив и одержим идеей, он может многое.

***

...Трагичен был век XX для России, для русского человека, для русской культуры. Начавшийся блистательным «серебряным» веком русской поэзии, затем он был сметен кровью трех революций и четырех войн, а закончился крушением, казалось бы, незыблемого Советского Союза, похоронившего под своими обломками рожденную победившим в начале века классом пролетариев новую культуру.

Два разных человека оставили свой неповторимый след в культуре века минувшего. Каждому из них выпала доля жить «в предлагаемых обстоятельствах», но на жизнь и судьбу обоих наложили свой неизгладимый отпечаток не только эпоха, но и великий исток, дарованный Провидением: любовь к творчеству, талант исследователя и литератора, просветителя и культуролога. А еще — любовь к Александру Сергеевичу Пушкину...

О первом из них прекрасно написал Владимир Солоухин:

«...до самой смерти жил в гостинице... занимая просторные дорогие апартаменты. Видимо, он рассчитывал, что денег ему до конца жизни хватит, хотя там... самое дорогое, что есть, так это гостиницы, в то время как не было ничего проще ему купить дом с газоном и садиком вокруг и возвышенность на холме, и тишина, и все, короче говоря, земные блага. Так что же это? Но вот его возможные рассуждения: «Да, я эмигрант. У меня нет России, нет своего кровного

дома. Ну так я буду жить... приедем, проедем. Если нет родины, не хочу и дома». Между прочим, тут выразилось, быть может, и презрение к деньгам... к чужим деньгам».

О другом Владимиром Карловичем Кантором, доктором философских наук, профессором Государственного университета «Высшая школа экономики», было написано следующее:

«Русский европеец...

<...> С большим вниманием и почтением должны мы отнестись к тем людям XX в., которые сумели в казавшейся безвоздушной атмосфере открыть источник воздуха, прорубить в скале выход к воздушному пространству. ...Такой находкой стал академизм и просветительство. <...> ...Я бы определил его позицию следующим образом: *свобода в предложенных обстоятельствах*. Предложенными обстоятельствами была советская власть. ...Советский человек, но *свободный* советский человек, прежде всего как профессионал».

Я не буду более томить уважаемых читателей и назову их. Первый — Владимир Владимирович Набоков, второй — Юрий Михайлович Лотман.

...Нет двух похожих людей на планете Земля. Абсолютно непохожи и эти двое. Но эта их непохожесть почему-то заставляет искать именно схожие черты, пересечения, параллели. Или наоборот — разительные несхожести, которые сродни всеильному тождеству.

Они родились и творили в разных временных отрезках, принадлежали к различным социальным средам, их творческие составляющие тоже были различными, но... объединяло их одно: любовь к великой русской культуре, искусству, литературе, творчеству одного из столпов отечественной словесности — А. С. Пушкина. Каждый из них, с позиций своего времени и места пребывания, пытался доступными ему средствами донести до массового, а может быть, и избранного, читателя свое понимание глубин творчества великого поэта, приоткрыть тайны и скрытые смыслы его стихов, поэм, прозы. Только ознакомившись с ними, оценив их красоту и глубину, начинаешь осознавать широту и безбрежность панорамы той жизни, той эпохи, красоту и ширь русской природы, раздолье и удаль русского духа и магию великого русского языка.

***

Владимир Владимирович Набоков родился за два года до окончания XIX века, в 1899 году, и ему даровано было прожить семьдесят восемь лет, до 1977 года.

Юрий Михайлович Лотман родился двадцатью тремя годами позже, в 1922 году, и прожил семьдесят один год, уйдя из жизни в 1993 году.

Для любого государства срок длиной в двадцать три года — это капля в море. Для любого, но только не для России. Именно в России, и именно в эти двадцать три года произошли настолько разрушительные события, что они потрясли до основания государственное устройство Российской империи, кардинально перевернули жизнь целого народа и, подвергнув великим и кровавым испытаниям, направили его жизнь в иное историческое русло.

Даже одно то, что, будучи рожденными в одном и том же городе, они фактически оказались в разных городах и эпохах, говорит о многом. Так, сиятельный Санкт-Петербург, являясь в 1899 году столицей Российской империи, в 1922 году стал губернским Петроградом и растерял свои столичные блеск и величие с переездом большевистского рабоче-крестьянского правительства в Москву в 1918 году.

Их рознили и национальная, и социальная среды, в которых они появились на свет и вращались с детских лет. Владимир Набоков родился в состоятельной православно-дворянской семье стародворянского рода Набоковых. Юрий Лотман — в еврейской интеллигентской семье.

Отец Владимира — Владимир Дмитриевич Набоков, юрист-криминалист, известный политик, один из лидеров российской кадетской партии; дед по линии отца был министром юстиции в правительствах Александра II и Александра III. Дед по линии матери, Иван Васильевич Рукавишников, — золотопромышленник и меценат, миллионное наследство которого накануне Февральской революции перешло внуку Владимиру. Кроме Владимира в семье было еще два сына и две дочери.

Отец Юрия Лотмана, Михаил Львович, также имел отношение к юриспруденции, будучи выпускником Петербургского университета по математическому и юридическому факультетам, но, в отличие от предков Набокова, на более приземленном уровне, подвизаясь юрисконсультантом в разных издательствах. Мать Юрия — портниха и швея, впоследствии зубной врач. Три его старшие сестры — типичные представительницы советской интеллигенции: композитор, литературовед и врач.

Образование? Оно тоже соответствовало и среде обитания, и материальным возможностям родителей, и, конечно же, собственным литературным пристрастиям.

У Набоковых, в их семейном обиходе, на равных применялись сразу три языка: русский, английский и французский, и наш герой, по его же выражению, по-английски научился читать прежде, чем по-русски. И это впоследствии не только пригодилось ему, но и стало его кредо — с 1938 года и до конца своих дней, то есть в течение сорока лет, им не было написано на русском языке ни одного романа (исключение составили лишь автобиографический «Другие берега» и авторский перевод скандально известной «Лолиты», принесшей ему мировую славу).

Но мне кажется, что нарочитое «англоманство» в конце жизни обернулось для него неким разочарованием. Иначе бы он не заявлял: «Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце — по-русски, а мое ухо — по-французски». Иначе не пришел бы в конце жизни к твердому пониманию того, что западному читателю явно не хватает именно знаний истоков русской культуры, и не занялся бы переводом на английский язык русской литературной классики — от «Слова о полку Игореве» до «Евгения Онегина».

А пока его образование начинается в привилегированном Тенишевском училище, где в детях воспитывали самостоятельность и интерес к познанию мира, где, по словам его выпускника 1907 года О. Мандельштама, они были одеты «не по-гимназически, а на какой-то кембриджский лад»; где литература и поэзия становятся увлечениями «веселого юноши», «полного «шарма» и «необыкновенной чувствительности» (З. Шаховская). Первый, опубликованный на собственные деньги (миллионное наследство позволяло!) поэтический сборник из шестидесяти восьми стихотворений; первая любовь к сверстнице Зине Мерц (между прочим, через какие-то тридцать пять лет женой Юрия Лотмана становится... Зара Минц. Почти совпадение?!).

Это ей он посвящает строки, в которых уже проглядывает «постмодернистская» манера культивирования «образности воспоминаний»:

*...Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина,
полумерцанье в имени твоём,
и странно мне по сумраку Берлина
с полувиденьем странствовать вдвоем...*

Да, да! Этим будет грешить и Юрий Лотман, но в другое, более страшное, военное время. Будет все: и походы «по сумраку Берлина», и стихи, и даже целые оды. Вот что пишет о нем его давнишний приятель, профессор из Санкт-Петербурга Борис Федорович Егоров, с которым их связывала полувековая дружба:

«Что еще способствовало успеху Ю. М. Лотмана как ученого... — уникальная память. Я не встречал больше людей с такими мнемоническими способностями. В его естественном компьютере заключены почти все стихи А. С. Пушкина, громадные массивы русской поэзии, лексика основных европейских языков, тысячи фактов и событий. ...Лотман интереснейше рассказывал о войне, легко оперируя названиями городов и сел, датами... Он смущенно промолвил: «Я всю войну помню как по календарю: день за днем, все четыре года». ...Рыцарственные усилия Ю. М. Лотмана, в духе Льва Копелева, спасти от разграбления германские дома и даже замки — иногда удавалось, — к счастью, в отличие от Л. Копелева, у Ю. М. Лотмана в части было больше ремарковского, а не бандитского люда. <...> Веселые рассказы о подготовке к празднованию Дня Красной армии, когда группе бывших студентов... было поручено сочинять оду родной дивизии, а комдив все забраковывал... очередные варианты; наконец, поэты догадались, что нет строк во славу комдива, вставили, текст был тотчас же утвержден.

<...> У Ю. М. Лотмана явно не реализовались в полной мере литературно-художественные наклонности: они иногда проявляются в изумительных образах... иногда Ю. М. Лотман взрывается ярким трагическим стихотворением. Эти тексты зафиксированы, их публикациям еще наступит свой черед» («Философия России. Юрий Михайлович Лотман», М., РОССПЭН, 2009, с. 76–77).

И оба они начинают учение не в простых гимназиях (Набоков) или обычных советских школах (Лотман), а каждый из них — в по-своему уникальных учебных заведениях Петербурга-Ленинграда: первый — в престижном Тенишевском училище, второй — в «Петришуле» — самой первой школе столицы, основанной еще в 1709 году при лютеранском приходе Святых Апостолов Петра и Павла, а в советское время — Советской Единой Трудовой школе № 4. В обоих учебных заведениях вопросам изучения литературы отдавалось особое предпочтение.

А затем, к восемнадцати-двадцати годам, в их жизнь и судьбу безжалостно ворвется Его Величество Время! Свобода выбора их жизненного пути сузится до «предлагаемых обстоятельств» — у каждого своих.

В 1917 году революционные вихри срывают семью Набоковых из родного гнезда и бросают сначала на юг, в Крым, а в конце 1919 года, вместе с осколками старых правящих классов, они навсегда покидают Россию и перебираются в Европу. Семья, сумевшая вывезти часть своего состояния, обосновывается в Берлине, а наш герой предпочтет продолжить учебу в лондонском Кембридже, где будет не только углублять знания в области мировой литературы, но и обретет зрелость как поэт и начнет профессионально заниматься переводами с английского на русский (диалогия Льюиса Кэрролла об Алисе).

Юрий Лотман в 1939 году семнадцатилетним юношей поступает на филологический факультет Ленинградского университета. Однако, проучившись первый курс, в октябре 1940 года со второго курса был призван на военную службу: в Европе полыхала Вторая мировая война, фашисты хозяйничали в оккупированных странах — от Польши до Франции и от Норвегии до Алжира и Ливии.

Как пишет о нем во вступительной статье к книге «Ю. М. Лотман. «Пушкин» (СПб, «Искусство-СПб», 1997) тот же Борис Федорович Егоров:

«То, что он еще до начала Великой Отечественной войны стал кадровым военным, возможно, спасло ему жизнь. Огромен урон, понесенный в войну нашим народом, но призванники 1922 г. рождения и старшие их сослуживцы, пройдя подготовку, могли потом и воевать более умело, чем мальчишки, попадавшие на фронт прямо со школьной скамьи.

Часть, в которой служил Ю. М. (он был солдатом, потом сержантом в артиллерийском полку резервов главного командования), в первые же дни войны была переброшена на передовую и почти все четыре года находилась в жестоких боях. Ю. М. ... бывал в самых отчаянных ситуациях, под обстрелами и бомбежками, за храбрость и стойкость... получал ордена и медали, но судьба его удивительно милувала: он даже не был ранен, лишь однажды сильно контужен» (с. 6).

В 1922 году в Берлине трагически погиб отец Владимира Владимир Дмитриевич Набоков. Сам двадцатитрехлетний Владимир возвращается из Лондона в Берлин, где начинается его самостоятельная жизнь и творческая деятельность, поиски постоянной работы.

В 1925 году он женится на Вере Слоним, петербурженке из еврейско-русской семьи. В русских эмигрантских издательствах появляются его рассказы, затем, в течение десяти лет, им было написано восемь романов на русском языке («Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь» и др.), которые очень тепло были встречены в эмигрантских кругах, а ныне отнесены к шедеврам русской литературы.

Набоков печатается в парижском журнале «Современные записки» под псевдонимом «Сирин» (славянская мифологическая вещая птица, владеющая тайнами бытия). Он стремится нарисовать свой образ России — образ утраченного детства, борьбы миров — реального и иллюзорного, столкновения мира одаренного одиночки с миром пошлости; экспериментирует с формой и стилем.

Но грозное время, от которого он в юности пытался убежать, скрыться, покинув Россию, вновь настигает его и близких в «просвещенной» Европе: пришедшие в Германии к власти нацисты начинают гонения на евреев, и Набоков с семьей вынужден в 1937 году покинуть Берлин, а через три года и Францию, куда они перебрались. Их местом пребывания с 1940 по 1960 годы становятся Соединенные Штаты Америки.

Основным источником заработка у Владимира Набокова в США является чтение лекций по русской и мировой литературе в учебных заведениях страны. Англоязычные романы поначалу не принесли ему должного успеха у заокеанской аудитории, однако все изменилось с опубликованием бестселлера «Лолита», где оказалось намешано многое: от эротики до эгоизма, от нравоописания до определенных философских глубин. Но на первый план все же выставлялась и порицалась болезненная страсть зрелого мужчины к девочке-нимфетке. Автор пытался защититься всеми доступными способами, в том числе в стихотворной форме:

*Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей?..*

Юрий Лотман был демобилизован из армии в 1946 году. Двадцатичетырехлетний сержант после шестилетнего перерыва с рвением продолжил учебу в университете.

Два биографических штриха того времени подчеркивают цельность его натуры: в тяжелые фронтовые годы, под бомбежками и артобстрелами, он умудрялся изучать французский язык и, вернувшись после фронта в Ленинград, первым делом побегал не домой, а... в библиотеку.

И с головой окунулся в долгожданную студенческую и научную жизнь.

О широте его интересов и своеобразии творческого мышления в период учебы очень образно описано во вступительной статье Б. Ф. Егорова к книге «Ю. М. Лотман. «Пушкин» (с. 6–7):

«Ю. М. ... привлекали судьбы русской общественной мысли и литературы на... грани между XVIII и XIX веками, а более конкретно — творчество Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева... <...>

...Для него... характерны системность, многоаспектность... литературное явление рассматривается на широком общественном и историческом фоне. Последующие изыскания обогатятся методами и данными лингвистики, психологии, археологии, музейного дела и истории быта, семиотики и структурализма, математики и других наук. ...Постоянный интерес... к контрастным объектам... к стихийному, интуитивному, бессознательному — и, в противовес, к ясной рационалистичности, системности... к гениям, вершинам общественной мысли и литературы — и к рядовым... третьестепенным труженикам. Позднее прибавится еще интерес к парадоксам, к разрушению устоявшихся представлений».

К концу учебы у него практически уже были наработаны материалы для кандидатской диссертации о литературных взаимоотношениях Радищева и Карамзина. Но... оказалось, не все так просто!

На дворе был 1950 год — время свирепой «охоты на ведьм», борьбы советской власти с «безродными космополитами». И Юрий Михайлович, с его пресловутой «пятой графой», поневоле становится в СССР «внутренним эмигрантом»: в северной столице работы для него не оказалось. Он вынужден был «эмигрировать» в Эстонию, где местные властные структуры «охоте на ведьм» предпочитали борьбу по искоренению «остатков националистических буржуазных элементов». Там это оказалось злободневнее, а потому Лотману нашлось вначале место преподавателя в Тартуском учительском институте, во время пребывания в котором, в 1952 году, он защищает в Ленинграде кандидатскую диссертацию, а затем через четыре года — в Тартуском университете, где в 1961 году он становится заведующим кафедрой русской литературы, а с 1963 года — профессором.

В 1951 году он женится на Заре Григорьевне Минц, профессоре Тартуского университета, у них рождаются трое сыновей: Михаил, Григорий и Алексей.

Именно здесь в полную силу развернулся его талант мыслителя, филолога, культуролога, он становится одним из первых разработчиков структурно-семиотического метода изучения литературы и культуры, фактическим основателем Тартуско-Московской семиотической школы.

Творческое наследие Владимира Набокова значительно. Ранние и зрелые стихи (более двухсот из которых только на русском языке) и поэмы, одиннадцать драматургических произведений, включая киносценарий, девятнадцать романов и повестей на русском и английском языках, четыре сборника рассказов, критические статьи и лекции по русской и зарубежной литературе, автобиографические произведения и, наконец, переводы. Вначале, в молодости — с французского и английского на русский, затем авторские переводы с английского на русский англоязычных романов («Другие берега» и «Лолита»), а в зрелые годы им были переведены на английский три шедевра русской классики: «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова (1958), «Слово о полку Игореве» (1960), «Евгений Онегин» (1964).

Международным признанием мирового культурного сообщества высокого уровня его творчества явились неоднократные попытки в шестидесятые — семидесятые годы номинировать его на Нобелевскую премию в области литературы. В этом активное участие в 1972 году принимал А. И. Солженицын, обращавшийся в шведский Нобелевский комитет с рекомендацией о включении В. Набокова в списки номинантов, за что получил от Набокова письменную признательность. Однако на практике это реализовано не было.

Рассказывать о Ю. М. Лотмане очень трудно: это был удивительно многогранный человек и ученый. Как писал о нем его друг Б. Ф. Егоров в статье «Ю. М. Лотман как человек и явление»:

«...Весь его путь... нелегких лет от И. В. Сталина до Ю. В. Андропова лежит на наших глазах, и тут вряд ли кто будет спорить, что... Лотман представляет собой одного из самых стойких людей нашего времени».

Его дом был всегда открыт для знакомых и не очень людей. У него часто бывали опасные для КГБ люди, такие как А. Солженицын, Н. Горбаневская, а однажды с обыском нагрянули ребята из «конторы глубокого бурения», но ничего не нашли. Он многие годы был невыездным, хотя его труды были известны западным ученым.

Ю. М. Лотман являлся членом-корреспондентом Британской академии, Норвежской академии наук, академиком Шведской королевской академии наук. В последние годы своей жизни все запреты и ограничения, снятые с него, позволили ему объездить с лекциями, докладами и выступлениями полмира: от Италии до Венесуэлы.

Ну а нашему поколению запомнились его блестящие телевизионные циклы «Беседы о русской культуре» в конце восьмидесятых — начале девяностых годов. Обладая удивительным и редким даром рассказчика (увы, ныне почти напрочь забытым и утерянным), он умел в доступной и интересной форме передать тот огромный объем знаний, которым владел сам. Как писала с восторгом «Литературная газета» о его «Беседах»:

«...Понятие «честь» по Лотману неразрывно связано с готовностью умереть, то есть для истинно благородного человека, интеллигента, честь дороже жизни...»

...Лотман предупреждал: «Антиинтеллигент агрессивен, интеллигент — скромн, он — первая жертва репрессий». Последующие четверть века подтвердили его правоту. Антиинтеллигенция побеждает, интеллигенция несет невосполнимые потери».

Это находит свое подтверждение и в том, какие моральные и культурные «ценности» несет и поныне наше отечественное телевидение: от петросьяновских «кривых зеркал» до швыдковских «культурных революций».

Владимиру Набокову, в юном возрасте покинувшему объятую революционным пожаром и Гражданской войной Россию, в отместку ли себе, потерянной ли родине, буквально насильно впаявшему себя (другого слова не подберу!) в новую, западную культуру и зачеркнувшему поначалу в себе все русское, включая язык, предстояло стать англоязычным писателем. Наверное, в практическом плане это сделать было несложно: блестящее воспитание, высокая образованность, знание основ мировой культуры, «англизированная» аристократическая обстановка в семье и окружавшем его обществе — все это позволило без особых нравственных издержек и угрызений совести порвать внешнюю связь с оставшейся где-то там, словно призрачный мираж, Россией и окунуться в прагматичную и расчетливую

Европу, а затем и Америку. По всей видимости, позволял это сделать и материальный достаток семьи, которого явно лишены многие его соотечественники, спешно покинувшие родину одновременно с ним.

Но с годами, постепенно, исподволь, превращение некогда неприкаянного эмигранта, изучившего не только наследие западной культуры, ее истоки и глубины, но и направления и течения современной европейской и американской литературы и искусства, в преуспевающего прагматичного западного литератора, прочно и окончательно, как ему казалось, вписавшего себя и свое творчество в эту структуру, — все это, надо полагать, пришло в некое противоречие с мечущейся и не находящей покоя русской душой.

Недаром он писал о себе так:

«Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию».

Да, с 1938 года он не напишет ни одного романа на русском языке (повторюсь, кроме автобиографичных «Других берегов» и авторского перевода «Лолить»), но первые его романы, написанные по-английски, не имели коммерческого успеха, пока не появилась «Лолита».

Но иногда кажется, что и этот его «эротический шедевр» был своего рода вызовом тому ханжескому обществу псевдопуританства и псевдоаскетизма, в которое он попал. Видимо, он и рассчитывал на тот шок, который поначалу вызовет в обществе эта, неудобная тогда, тема, но которую оно все равно «проглотит», никуда не денется. Будто видел далеко вперед, когда это же общество совсем скоро будет кичиться своей толерантностью и приветствовать те же движения геев, те же однополые браки и все иные «выверты» западного мира, цель которых одна — разрушить повсеместно институт брака и семьи, в стремлении остановить рост населения и ограничиться на земле «золотым миллиардом».

В 1960 году В. В. Набоков вновь эмигрирует, на сей раз из Америки в Европу, ближе к «другим берегам», от которых он отчалил еще сорок лет назад, и на сей раз обосновывается в Швейцарии, в городе Монтрё. Именно здесь он закончит работу над своим самым грандиозным и знаковым трудом — переводом с русского на английский язык романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», работая над которым, он пришел к мысли о том, что для разъяснения всех глубин и загадок великого романа западному читателю необходимы комментарии. «Комментарии», явившись составной частью перевода, по сути дела стали самостоятельным литературным произведением, показав высшую степень его понимания не только творчества А. С. Пушкина, но и мировой литературы.

Умер В. В. Набоков второго июля 1977 года, похоронен на кладбище городка Кларанс, вблизи Монтрё.

Ю. М. Лотман, работая над литературно-историческими материалами о развитии русской национальной культуры конца XVIII — начала XIX веков, от Радищева до Карамзина, изучая жизнь и творчество писателей и общественных деятелей преддекабристского поколения начала XIX века, таких как А. Мерзляков, А. Тургенев, П. Вяземский, изучая быт и нравы дворянской культуры, работая над докторской диссертацией «Пути развития русской литературы преддекабристского периода», — не мог не прийти к творчеству А. С. Пушкина.

При работе над диссертацией расширяется круг его научных интересов: до декабристов, Пушкина, Лермонтова. Так, за год до защиты докторской (1960) он пишет свое первое крупное исследование о творчестве поэта «К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин».

В 1962 году, углубляясь в творческие искания позднего Пушкина, он пишет исследование «Идейная структура «Капитанской дочки», где возвышение интересов и проявление человечности и милосердия в антагонистически разных условиях являются самыми ценными личностными качествами для Пушкина тридцатых годов.

Б. Ф. Егоров в своей вступительной статье к книге «Ю. М. Лотман. Пушкин» пишет:

«Ю. М. написал о Пушкине несколько десятков статей, каждая из которых содержит открытия и заслуживает особого анализа. А вершинами его пушкинианы являются три книги: «Роман в стихах Пушкина “Евгений Онегин”». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста» (1975), «Роман А. С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Пособие для учителя» (1980; 2-е изд. — 1983), «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся» (1981; 2-й завод — 1982; 2-е изд. — 1983). Первая книга, выпущенная Тартуским университетом, напечатана всего в 500 экземплярах, зато две следующих, изданных ленинградским «Просвещением», вышли в свет в небывалых количествах: биография — тиражом в миллион экземпляров, комментарий — 550 тысяч».

Ю. М. Лотман ушел из жизни в Тарту двадцать восьмого октября 1993 года.

Ушел русским эмигрантом, русским европейцем, выдающимся носителем и популяризатором русской культуры. Русским мыслителем, которому не нашлось места на русской земле.

***

Поистине велика и щедра на таланты Россия, недопустимо расточительно щедра. Да вот только нет пророка в своем отечестве!

Оба ее сына оказались ненужными на родине. Для них обоих территориально Россия вынужденно оказалась «другим берегом». Территориально, но не духовно!..

***

Передо мной две книги, два многостраничных фолианта, в каждом из которых около тысячи страниц:

Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. — СПб, «Искусство-СПБ», 1997. 847 с.

Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Перевод с английского. Под редакцией А. Н. Николюкина. — М., НПК «Интелвак», 1999. 1008 с.

Давайте откроем их — они требуют этого!..

***

*...Старение! Возраст успеха. Знания
правды. Изнанки ее. Изгнания.
Боли. Ни против нее, ни за нее
я ничего не имею. Коли ж
переборщит — возоплю: нелепица
сдерживать чувства. Покамест — терпится.*

*Ежели что-то во мне и теплится,
это не разум, а кровь всего лишь...*

**Иосиф Бродский. 1972. Посвящается
Виктору Петровичу Гольшеву**

Почему-то, читая эти строки, вспоминаешь другого поэта и другие строки: «Когда дряхлеющие силы / Нам начинают изменять...». Ф. И. Тютчеву на период написания этого тягостного, но мудрого стихотворения было уже шестьдесят три года, когда, как говорят, сам Бог велел подумать о вечном. Но Иосифу Бродскому на период написания было всего лишь тридцать два года.

Старение? Да, он впервые подумал о старении в... двадцать четыре года, в 1964 году, когда, находясь под арестом, потом «на обследовании» в психиатрических больницах, что было, по его словам, страшнее тюрьмы и ссылки, его впервые поразил приступ стенокардии. И он решил для себя, что жить ему осталось недолго.

А он и прожил всего пятьдесят пять лет, находясь в изгнании (ох, Россия, Россия! Как же ты разбрасываешься талантами!), куда он был выдвинут именно в том самом 1972 году — году написания этого знакового стихотворения:

*...Я был как все. То есть жил похожею
жизнью. С цветами входил в прихожую.
Пил. Валял дурака под кожей.
Брал, что давали. Душа не зарилась
на не свое. Обладал опорой,
строил рычаг. И пространству впору я
звук извлекал, дуя в дудку полую.
Что бы такое сказать под занавес?!*

И он — сказал. Сказал так, что там, на «других берегах», в США, оценили это по достоинству, наградив Нобелевской премией по литературе в 1987 году и назвав поэтом-лауреатом США в 1991–1992 годах.

***

А теперь вновь возвратимся к А. С. Пушкину. Всем нам знакомо его стихотворение:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как . . . . . пустыня
И как алтарь без божества.*

Слава Богу, у нас в России настали времена, когда каждый здравомыслящий человек рано или поздно задается вопросом: откуда есть пошла твоя фамилия? Мы пережили наконец тот страх, заложенный в нас недавней историей страны, когда лучше было не знать своих предков — себе дороже.

И вот уже на заре перестройки все увереннее зазвучали голоса ученых, призывающих отказаться от позорного звания «Иванов, родства не помнящих», проявить интерес к поискам своих пращуров.

Так, еще в 1986 году в журнале «Наука и жизнь» был помещен ряд статей о происхождении отечественных фамилий, подготовленных научным сотрудником института этнографии АН СССР В. А. Николовым, занимавшимся вопросами ономастики (науки о фамилиях). Он, в частности, писал:

«...Знать своих предков, гордиться ими и приумножать честь своей семьи, флаг которой ее фамилия, — это ли не долг и обязанность каждого человека. И хотя абсолютному большинству русских фамилий менее 200 лет, в них отложились слова и дела более ранних времен...»

Естественно, что и в моей семье уже много лет занимаются изучением наших корней. Здесь главными застрельщиками являются мой отец и его двоюродный брат, Владимир Вениаминович Гольшев, затем это дело продолжил и я. Составлено огромное генеалогическое древо фамилии Гольшев, отцом по крупницам собрана и написана сага, которая восходит к моему прапрапрадеду, Аристарху Гольшеву, и в целом ко всей ветви Гольшевых, появившихся в середине XIX века в Юго-Восточном Казахстане, в Семиречье, куда они пришли из Сибири, вместе с сибирскими (омскими) казаками, образовав сеть казачьих станиц вокруг крепости Верный (Алматы).

А если говорить упрощенно, то представляется, что где-то в российской глубинке, наверно, существует некая деревенька (а может быть, и не одна), где живут одни Гольшевы, являясь друг другу ближними и дальними родичами (кум, сват, брат). И в свое время разбрелись они по матушке России в поисках счастья.

Откуда начинать поиски? С лингвистики? Тогда ныряем в словари, энциклопедии...

«ГОЛЬШ»: бедный, неимущий человек: «Не обижай голыша: у него та же душа»; сухой, голый блин, без подмазки;

«ГОЛОЩАП» — голоштанник;

«ГОЛОЩАНЫЙ ОБЕД» — одни щи (!).

Да-а-а, наш род явно не «белой кости».

География? Поселок городского типа Гольши в Костромской области. Увы! Уже сорок лет как переименован. Проехали!

Вот, нашел! Между Тюменью и Ишимом — станция «Гольшманово». Ура! Это же недалеко от Омска, откуда, по преданию, пращуры ушли на юг, в Казахстан. Да еще как раз моя дочь с мужем на своем «Ниссан Кашкае» совершают уникальное путешествие: из Хабаровска до Белоруссии и назад. Двадцать тысяч километров! Звоню ей на мобильный: «Тормознитесь в Гольшманово! Может быть, именно там и есть наша прародина?»

Вот ее рассказ, самый свежий, самый достоверный:

«Ох уж эти русские деревни!.. Возьмите какое-нибудь Марьино — сколько деревень с таким названием насчитается по России? А если еще и Белоруссию прихватить?.. То-то же. Получив от отца задание навестить Гольшманово, мы обнаружили целых два населенных пункта с таким названием: поселок-райцентр, находящийся по левую сторону от трассы на Тюмень, и село, на которое надо было с трассы съезжать направо. Куда ехать? Бросили монетку, отправились направо. По закатному времени село было почти пустым. Только несколько лошадак паслись позади дорожного указателя да где-то вдалеке громыхали самосвалы.

Выловив белобрысого мальчишку на велике, мы начали свое расследование.

— А где тут Гольшевы живут? — начал свой опрос мой хитрый муж.

— Гольшевы? Не знаю таких, — пожал плечами пацан и резво укатил.

Мы выехали на большой перекресток — возможно, даже центральный «пятак» в Гольшманове. Прямо перед нами, за заборчиком с калиткой, в окружении клумб расположился обелиск. Вот где мы все выясним! На таких обелисках обычно пишут имена погибших в Великой Отечественной. И мы смело отворили калитку.

Имена действительно были. И даже не только Гольшманова — трех деревень, видимо еще и двух соседних. Вот только ни Гольшевых, ни других похожих фамилий там не было.

Опечаленные, мы направились к автомобилю, как нам наперерез двинулись два местных мужичка.

— Что-то поздновато вы приехали, — решительно заявил нам тот, что постарше.

Мы, не ожидавшие такого напора, слегка опешили, а потом сообразили, что нас, видимо, с кем-то перепутали.

Мужички были веселые и общительные. Нечасто небось чужаки на красной машине заезжают в Гольшманово!.. Мы рассказали о цели своего визита.

— Хм, Гольшевы, Гальшевы... Что-то такое слышал... — напряг лоб старший, представившийся дядей Юрой. — Нет, не помню!

Мы решили не уезжать просто так, а поддержать светский разговор.

— А чем у вас тут деревня живет? Чем люди занимаются?

— Чем занимаются? Да ничем, — махнул рукой дядя Юра. — Пасутся, как ежик на груздях! Нечего здесь делать. Раньше и совхоз был, и пилорама, а сейчас нету ни-че-го!

Несолоно хлебавши мы двинулись в сторону выезда из Гольшманова. Интерес дяди Юры к беседе вскоре раскрылся — он смущенно попросил немного денег «на поправку здоровья». Мы дали — за сочную метафору про ежика было не жалко. Затем сфотографировались вместе на память, причем приятель дяди Юры по имени Васья все стеснялся фингала под глазом, однако же встал в кадр.

Прощай, Гольшманово, надеюсь, у тебя все вскоре наладится!»

Но все же самый быстрый поиск — в Интернете. Там, как в Греции, все есть. Что надо и что не надо. И кого тут только нет!

Так, пока моя дочь искала наших родичей в Гольшманове, так сказать вживую, я успел «смотаться» в «Одноклассниках» в Омск и отыскать там аж сорок две фамилии Гольшевых. Те? Не те? Кто ж их знает...

И на других интернет-форумах тоже присутствуют Гольшевы. Тут тебе известные люди из века XIX: и этнограф, художник и издатель из владимирской Мстеры Иван Александрович Гольшев; и инженер-строитель Павел Степанович Гольшев, что возвел в казахском Акмолинске православный Александро-Невский собор; и целое семейство Гольшевых, чьи корни в начале XX века уходят вглубь Пермской и Свердловской областей, в деревни Гольшево, Малое Гольшево и Нижняя Салда; и третья гражданская жена Якова Джугашвили Ольга Павловна Гольшева; и, наконец, наш современник, восьмидесятилетний талантливый русский переводчик англо-американской литературы москвич Виктор Петрович Гольшев.

Стоп! На этом моем однофамильце (а может быть, родственнике? Ну, не будем примазываться к чужой известности и славе) остановимся подробнее.

Не каждому знакомому, а тем более со звучной фамилией Гольшев, лауреаты Нобелевской премии посвящают собственные стихи. Значит, он того достоин. А у нас, Гольшевых, другого и быть не может!..

...Помните печальную комедию Георгия Данелия 1979 года «Осенний марафон» с Олегом Басилашвили в главной роли, где его герой, Андрей Павлович Бузыкин, талантливый переводчик и безотказный, мягкий человек, душевной добротой которого беззастенчиво пользуются в своих интересах окружающие его люди, в ответ на кажущуюся ему незаслуженной похвалу его профессионализму заявляет: «Талантливые — они, а я только перевожу...»

Так кто такой переводчик? Как переводить с одного языка на другой? Как переводить прозу и как — стихи? Сохранять ли рифму при переводе поэзии? Что такое авторский перевод и чем он отличается от подстрочного?

***

Виктор Петрович Гольшев (26.04.1937) родился в Москве. Сын переводчицы Елены Гольшевой. Окончил МФТИ. К занятию переводами пришел, по его словам, случайно, через любовь к литературе. А еще «...в старших классах был большим англоманом (вспомните В. Набокова!), а потом это пристрастие на Америку переключилось...». Начинать с технических переводов, а в двадцать четыре года вдвоем с приятелем за два дня перевели один из рассказов Д. Сэлинджера, который был опубликован в газете «Неделя», после чего стал переводить профессионально (вдохновляли английские и американские прозаики XX века).

В 1970 году вступил в Союз писателей, в 1991 году вел курс западной литературы в Бостонском университете, с 1992 года преподает художественный перевод в Литературном институте им. А. М. Горького и руководит семинаром переводчиков с английского языка. Член общественного редакционного совета журнала «Иностранная литература», имеет литературные награды, включая премию «Мастер» (2012).

Благодаря его таланту российские читатели смогли ознакомиться с творчеством Эрнеста Хемингуэя, Джорджа Оруэлла, Уильяма Фолкнера, Джона Стейнбека и других. Он также перевел на русский язык прозаические произведения Владимира Набокова и эссе Иосифа Бродского, написанные по-английски. С последним его связывала давнишняя дружба; это он, изгнанный из СССР в 1972 году, напишет восемнадцатого декабря стихотворение «1972» и посвятит его В. Гольшеву. Это ему же через два года он направит стихотворные послания, где есть такие строки:

*...Когда бы уложить я мог
Америку в два русских слова,
Я просто написал бы: МНОГО.
Всего — людей, автодорог,
стиральных порошков, жилья,
щитов с летящим «Кока-Кола»,
скайскрэперов, другого пола,
шмотья, истерики, жулья.
От этого в глазах рябит...*

«Известия», 2004. 18 февраля

Его профессиональная деятельность исключительно высоко оценивается специалистами в области переводов и англоязычной литературы. Его называют

патриархом отечественной школы художественного перевода и причисляют к «золотой когорте» переводчиков, а его переводы считают эталонными.

Вот некоторые из отзывов:

«Когда стало известно, что за перевод пятого тома «Гарри Поттера» взялся Виктор Гольшев... поклонники книги Джоан Роулинг вздохнули с облегчением...»;

«...с большим удовольствием прочитал переводы Гольшева из Дэшела Хэммета...»;

«Вот в переводах Гольшева не остается ни одного лишнего бревнышка, никаких отходов, все пошло в дело, всему нашлось место...».

А вот его мысли и высказывания о тонкостях и сложностях перевода как такового; в том числе о переводах И. Бродского, с которым его связывало многолетнее знакомство и дружба, начавшаяся в 1963 году в Тарусе, на даче отчима В. Гольшева, куда он был направлен А. Ахматовой, чтобы скрыться от «всевидящих органов». Поделится он и с проблемами перевода А. С. Пушкина.

«...Перевод ведь сам по себе содержит некоторую фальшь, ведь ты переводишь с английского на русский. Но переводишь на язык, которым ты никогда не пользовался...»;

«...Степень знания языка, чтобы заниматься переводом, должна быть ограниченной (я зарабатываю на жизнь вот уже 50 лет и языка все равно не знаю)... Нужен уровень, на котором ты будешь чувствовать поворот фразы и интонацию... Кроме содержания текста, надо понимать, как это сказано (...степень иронии и серьезности... оттенки...)... Однако... его одного недостаточно... Надо отличать авторское от общепринятого...

А если автор коряво пишет, его надо исправлять?.. Каждый случай надо решать индивидуально... Но в целом общего рецепта... нет»;

«...Я бы никогда не взялся переводить Шекспира: я недостаточно знаю английский... В его текстах много того, что он придумал первый... Чтобы переводить такие тексты, нужно много знать...»;

«...Английскую поэзию вот давно перестали рифмовать. Для нас это недостаточные стихи: мы привыкли, чтобы был или дольник, или ямб, или рифма... Мне английская поэзия иногда газету напоминает...»;

«...Наш общий с Бродским знакомый... писатель и переводчик Андрей Сергеев... говорил, что в прозе о чем-то можно умолчать, а вот в поэзии... ничего умалчивать нельзя, надо говорить все... Главное при этом — не поступиться своим... Бродский по этом принципу и жил...»;

«(О переводах Бродского на английский) — ... отдельные моменты не вполне понятны в русском стихе, там (на английском) оказывались связанными яснее, потому что зачастую переводчик разжевывает — *он не связан рифмой* (курсив мой. — В. Г.)... У него довольно много рифмованных стихов, а там это уже не принято — рифма производит комический эффект... почему-то во времена Байрона рифма была, а теперь *исчезла*...»;

«Вопрос: Насколько было интересно переводить эссе Бродского? Ответ: Не очень интересно. Там все было понятно... В английской культуре считается, что в эссеистике не нужна какая-то языковая изысканность...»;

«Вопрос: Может ли текст Пушкина... существовать на другом языке? Ответ: У Пушкина все сказано как бы невзначай. Он на самом деле очень умный, а написано тяп-ляп вроде как, иногда даже банальность произносится... Это называется легкостью, хотя на самом деле Пушкину можно сделать довольно много замечаний, потому что он давил не на разум. Мне кажется, эту комбинацию очень трудно сохранить: и легкая небрежность, и почти афоризмы, и вместе с тем без давления...»

Итак, мой талантливый однофамилец, переводчик с мировым именем Виктор Гольцшев приоткрыл некоторые тайны перевода на русский язык литературных произведений авторов из других стран. Вы могли сами убедиться, насколько это удивительно одухотворенный процесс, полный экспромтов, полутонов, тонких ощущений и недосказанности, взвешенности, чувства меры и такта — всего того, что называется проникновением одной культуры в другую.

В одном из интервью он утверждает:

«Перевод должен оставаться фактом русской литературы... Чужеродность всегда будет... Об этом заботиться не надо... Мозги и речь у людей с разными языками устроены по-разному... (Но)... текст должен тебя захватить, подействовать на чувства...»

Очень хотелось бы закончить эту главу на том, что именно Виктору Гольцеву принадлежала почетная миссия осуществить перевод многотомных «Комментариев к «Евгению Онегину» Александра Пушкина», написанных Владимиром Набоковым по-английски и опубликованных в Нью-Йорке в 1964 году.

Увы! Ни ему, ни кому другому из славной «золотой когорты» отечественных переводчиков (к которой, кроме него, принадлежат: Михаил Лозинский, Валентин Стенич, Рита Райт-Ковалева, Нора Галь, Николай Любимов, Соломон Апт) не было предложено участвовать в переводе этого уникального труда.

Над переводом трудился коллектив других переводчиков, под редакцией академика РАЕН А. Н. Николюкина (Институт научной информации по общественным наукам РАН) — (М., НПК «Интелвак», 1999).

***

«В жизни совершенный поступок отсекает все нереализованные альтернативы: совершив одно, нельзя уже одновременно с ним совершить нечто противоположное. Поступок отнимает свободу выбора. В работе над рукописью можно, не зачеркивая одного варианта, разрабатывать другой, можно вернуться к отброшенному и восстановить его... Это придает жизни поэтического воображения большую полноту и свободу, чем реальная жизнь» (Ю. М. Лотман. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Глава четвертая. «В Михайловском. 1824–1826»).

«...В неуклюжести предлагаемого перевода повинен не только отвыкнувший от родной речи переводчик, но и дух языка, на который перевод делается. ...По поводу взаимной переводимости двух изумительных языков. <...> Эта неувязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой духа. Свобода духа! Все дыхание человечества в этом сочетании слов» (В. В. Набоков. Постскрипtum к русскому изданию «Лолиты»).

Какие блестящие мысли двух выдающихся литераторов XX века о свободе: свободе выбора и свободе духа! О свободе творчества в нашем несвободном мире. О политических и языковых барьерах и преградах на этом пути.

История знает немало случаев создания произведений не только на родном, но и на иностранном языках. Однако известность на этом поприще закрепилась лишь за некоторыми: В. Набоков, И. Бродский, Дж. Джойс, Ч. Айтматов, Ф. И. Тютчев, П. Мериме, Ж. Верн и некоторые другие. При этом за первыми тремя числится

международное признание именно за результаты творчества на неродном языке. Другие же писатели, блестяще владевшие иностранными языками, весьма редко использовали их в своем творчестве (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и другие).

Как пишет во вступительной статье к книге «Ю. М. Лотман. Пушкин» Б. Ф. Егоров:

«...“Евгений Онегин” — произведение, отличающееся сложной структурой текста: намеки, реминисценции, явные и скрытые цитаты, все оттенки смысла от лирики и пафоса до иронии и сарказма... ..Тончайшая и сложнейшая авторская работа ставит внимательного читателя, не желающего скользить по поверхности текста, перед необходимостью серьезно задуматься над строками романа».

И это — для русского читателя, знакомого с творчеством А. С. Пушкина с детства. А для непосвященных американца, англичанина? Нет, это мог рискнуть сделать лишь очень самонадеянный человек, либо авантюрист чистейшей воды, либо блестящий стилист и не менее талантливый переводчик, уверенный «на все сто» в успехе своего детища.

***

Возвращая читателей к двум, поставленным в предыдущей главе, вопросам: что такое перевод «авторский» и чем он отличается от «подстрочного», можно сослаться на безусловный авторитет профессионального лингвиста и переводчика В. П. Гольшева, который сформулировал понятие перевода как проникновение не просто одного языка в другой, но одной культуры в другую.

При этом «авторский» перевод позиционируется как «идеальный» путь воссоздания оригинала самим автором на другом языке... поскольку никто лучше самого автора оригинал не знает» (Википедия). В моем же, дилетантском понимании, «авторский» перевод — это, по сути, совершенно иное литературное произведение, предназначенное для иного читателя (помните, у В. Гольшева: «Чужеродность всегда будет... Об этом заботиться не надо... Мозги и речь у людей с разными языками устроены по-разному... (Но)... текст должен тебя захватить, подействовать на чувства...»).

У В. Набокова «авторский» перевод препарируется им самим с беспощадной откровенностью. Мы уже упоминали, что писатель последние сорок лет принципиально и окончательно перешел на английский и отказался от родного (родного ли?) русского языка. Насколько это правдоподобно и чего это ему на самом деле стоило, он рассказал в двух своих литературных пояснениях: в «Предисловии» к русскому изданию мемуаров «Другие берега» и в «Постскриптуме» к русскому изданию «Лолиты». Как известно, обе эти вещи первоначально писались для англоязычного читателя, а затем был задуман и осуществлен их «авторский» перевод на русский язык.

В «Предисловии» к русскому изданию мемуаров «Другие берега» Владимир Набоков приоткрывает основные трудности, с которыми ему пришлось столкнуться не только при переводе первичной — англоязычной — версии романа (а в этом варианте он назывался «Conclusive Evidence» — «Убедительное доказательство») на русский язык, значительно большие трудности, но и при перестройке самого себя при написании англоязычной версии.

Здесь он поневоле возвращает себя к своему, русскому, первородному состоянию: русской души и русского стиля написания. Он пишет:

«Книга (англоязычный вариант. — В. Г.)... писалась... с особенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад — музыкально недоговоренный

русский, а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный... Но мне казалось, что целое работает довольно исправно — покуда я не взялся за безумное дело перевода «Conclusive Evidence» на прежний, *основной мой язык* (курсив мой. — В. Г.)... Недостатки объявились такие... что точный перевод на русский язык был бы карикатурой... Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву...»

А все заключалось в его русской крови, от которой он не смог до конца избавиться. Вот как это он объяснил:

«Совершенно владея с младенчества... английским... я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда... ..Беда моя... в том, что... в течение пятнадцати... лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие... Переходя на другой язык, я отказывался... не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. ...И ужас расставанья с живым, ручным существом ввергли меня... в состояние... что ни один... писатель... не испытывал до меня».

А уже в «Постскриптуме» к русскому изданию «Лолиты» его «ужас расставанья» с русским языком перерастает в глухое раздражение:

«Меня же только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн. История этого перевода — история разочарования. Увы, тот «дивный русский язык», который... все ждет меня где-то... оказался несуществующим...».

Я думаю, что Набоков здесь не особо и кокетничал: он пережил то, к чему шел сознательно, — добровольный отказ от русского языка. Вот настоящая цена «сочинительству по-английски»!

Но он не знал, что это — только часть проблемы, что великий русский язык сам придет к нему, более грозный и глубокий, словно бушующий океан, — в виде романа в стихах «Евгений Онегин»!

***

*...Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда...*

Анна Ахматова. Тайны ремесла

Тому, кто знаком с муками поэтического творчества, не нужно объяснять, что это такое: поиски образа, рифмы, смысла, стиля, выразительности, размера и т. д. — то есть всего того, что зовется поэтическим вдохновением.

Какое же это прекрасное, ни с чем не сравнимое страдание, когда ищешь, переживаешь, бредишь, страдаешь — и вдруг! Как сказал мой родной дядюшка, Владимир Вениаминович Голышев (нет, это не тот, который «самых честных правил», а тот, который в нашем семейном древе оказался младше своего племянника, то есть вашего покорного слуги, на целых восемь месяцев), иногда «выстреливающий» точной, поэтически выверенной фразой:

*Истертых слов, тех, что асфальта глаже,
Так много, словно камушков на пляже.
Ты роешь день, и два... и в редкий миг
Вдруг обнаружишь слово — Сердолик!..*

Очень редко, но иногда и меня осеняет чем-то возвышенным, приходящим вроде бы из «ниоткуда»:

*Душа устала... Требуется унять
Житейских дум извечную суровость.
Пора приспела эти страсти помянуть
На мудрость истины Библейской, что
В начале было СЛОВО!*

***

Четверть века назад выходила замечательная еженедельная газета «Книжное обозрение» (главный редактор А. И. Овсянников), в которой много внимания уделялось чисто литературному материалу для любопытного читателя. Позднее она поменяла свои приоритеты и стала ориентироваться на профессионалов издателей. А в те девяностые годы среди ведущих этих литературных разделов газеты часто «светилась» Татьяна Иванова, которая вела также цикл передач на «Радио России» («От первого лица», «Взгляд на события литературной жизни» и др.).

Ею был создан газетный клуб Любителей стихотворения Редьярда Кипплинга «Заповедь», в котором шло не только бурное обсуждение этого блестящего, но запрещенного в нашей стране в пятидесятые годы поэта, но и печатались многочисленные варианты перевода этого стихотворения на русский язык не только известных переводчиков, но и простых любителей российской словесности, в которых бродила поэтически-переводческая закваска.

В те годы мы еще не были избалованы засилием и всезнайством Интернета, а потому были более наивны и непосредственны в проявлении своих чувств восторга, вновь и вновь прося радиоведущих повторить в эфире самый лучший, как им казалось, вариант перевода этого стихотворения, сделанный Михаилом Лозинским (тем самым, из «золотой когорты» переводчиков, к которым относится и Виктор Голышев).

Потом появились многочисленные отзывы читателей, в том числе очень критичные, предлагавшие и других авторов, по их мнению не менее талантливых и нашедших более глубокие и мудрые слова для этого удивительного стихотворения (в английском варианте имеющего другое название: «If...» — «О, если...»).

Не могу не поделиться с читателями некоторыми вариантами перевода окончания этого стихотворения разными авторами, озаглавив их последним куплетом в английском подлиннике автора:

(by Rudyard Kipling)
*...If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run —
Yours is the Earth and everything that's in it,
And — which is more — you'll be a Man, my son!*

Перевод Михаила Лозинского:

*...Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —*

*Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!*

Перевод Самуила Маршака:

*...И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, —
Земля — твое, мой мальчик, достоянье,
И более того, ты — человек!*

Перевод Николая Ивановича Гарковенко:

*...Коль можешь на секунды бег разметить,
На каждый миг, пусть финиш и далек,
Земля — твоя, и все, что на планете,
Твое — ты, значит, Человек, сынок.*

Перевод Константина Николаевича Федорова:

*...Секунды, что летят быстрее света,
Сумей наполнить смыслом до одной,
Тогда твоею будет вся планета,
И станешь ты мужчиной, мальчик мой!*

Тот, кто хотя бы раз реально прикасался к попыткам открыть для себя чужой язык, чужой смысл, чужие чувства, чужую поэтику, тот меня поймет. Само таинство перевода завораживает своей непредсказуемостью, неоднозначностью результата, фантастикой открытия чего-то нового для себя.

На форуме «Проза.ру» тоже есть авторы, предпринимающие попытки переводов: как с русского на иностранный, так и наоборот. Признаюсь, пару раз и меня потянуло на подобные «подвиги». О результатах умолчу.

Но, к собственному удивлению, лично для себя я интуитивно открыл то, что противоречило неким общепризнанным канонам. И тут пришла пора обозначить второй тип перевода: «подстрочный».

***

«Подстрочный» перевод, «подстрочник». Вот как трактует его Википедия:

«Дословный перевод иноязычного текста, часто с подробными пояснениями, использующийся как черновик для последующего художественного перевода (то есть «перевода по подстрочнику»)… Художественные особенности текста, такие как рифма, ритм, стиль, обычно не сохраняются… главная цель — максимально точно передать смысл…»

Подстрочный перевод особенно часто используется при переводе поэзии, когда один переводчик, хорошо знающий язык оригинала… сначала создает подстрочник, без рифмы, а затем поэт, хуже знакомый с языком оригинала, но имеющий поэтическое дарование, делает по этому подстрочнику художественный перевод».

Согласитесь, чересчур длинное пояснение. А чтобы его если не опровергнуть, то хоть как-то очеловечить, почему-то на память приходит яркий пример как раз

обратного процесса — перевода с художественного на подстрочный. Здесь и контрольное слово «переведи!» присутствует.

Блестящий фильм Владимира Меньшова «Москва слезам не верит». Главная героиня в конце фильма, найдя свою долгожданную любовь, неожиданно теряет вместе с ее носителем — бесфамильным Георгием Ивановичем, «он же Гоша, он же Гога, он же Юрий, он же Жора...». Искать его бросается Николай — муж подруги. И после долгих поисков находит — одиноко коротающего время за батареей бутылок и еще неразделанным лещом.

Это, пожалуй, одна из самых сильных сцен фильма. После молчаливо налитого Гошей незнакомому гостю стакана водки и также молчаливо, в качестве приветствия, выпитого Николаем, а затем последовавшего краткого взаимного обмена мнениями о погоде и мировых событиях, начинается такой вот, предметный, диалог:

«Николай:

— ...Ты же казал, что если у жены зарплата больше, то это не семья. Но как же ей признаться-то?

Гоша:

— Ты мне мозги не пудри — она меня обманула!..

Николай:

— Нет, это недоразумение...

Гоша:

— Нет, она этим самым обнаружила, что для нее социальный статус человека выше, чем мой, личный, статус!!!

Николай (глядя на него с явным недоумением):

— ПЕРЕВЕДИ!..»

Возвращаясь ко «всезнающей» Википедии, соглашаешься с тем, что цели «подстрочника» вроде бы предельно ясны: «Ты мне своими словами, но доходчиво, передаешь смысл написанного англичанином (французом, русским и др.), а я тебе создаю рифмованный художественный шедевр на русском языке.

Но... это потом!»

Вот тут-то и кроется заковыка! А почему вы уверены, что далее последует именно «художественный перевод», а не ограничится все лишь «черновиком», «подстрочником»? Или, в лучшем случае, «подробными пояснениями» к нему?

Ведь опытный переводчик В. Гольшев предупреждал:

«...Английскую поэзию вот давно перестали рифмовать. <...> Почему-то во времена Байрона рифма была, а теперь исчезла...»

Но и Редьярда Киплинга рифмовали в русском переводе, в чем мы могли убедиться. Да и самого А. С. Пушкина, как мы ниже увидим, английские авторы, переводя на свой родной язык, тоже укладывали в рифму. Иное дело — как она воспринималась англоязычной публикой?

***

А у В. В. Набокова в его англоязычном переводе «Евгения Онегина» всего этого нет. В 1964 году, после опубликования в Нью-Йорке «Комментариев к «Евгению Онегину» (далее — КЕО), в своем интервью корреспонденту журнала «Playboy» Набоков рассказывал:

«Этот труд обязан своим рождением случайному замечанию жены, сделанному в 1950 году. В ответ на мое отвращение к рифмованным парафразам «Евгения Онегина», в которых мне приходилось исправлять для студентов каждую строчку, она сказала: «Почему бы тебе не перевести его самому?»»

И сам Набоков в процессе работы назовет его «*a crib, a pony*», то есть «подстрочник», «шпаргалка». Но саму эту работу в виде маленькой «книжечки об «Онегине» он задумал еще раньше, весной 1949 года.

Таким образом, он трудился над КЕО пятнадцать лет, и эта работа, пожалуй, стала основным трудом его жизни. Недаром через два года после выхода в свет «Комментариев» он предсказывал: «Меня будут помнить по «Лолите» и по моему труду об «Онегине». Но саму работу над «Комментариями» он не оставлял до конца жизни: в 1975 году, за два года до смерти, вышла вторая, переработанная их версия.

Ну не могли русскому «Сирину», даже чисто ассоциативно, строки из поэмы «Жизнь в Лондоне» (1821) английского поэта Пирса Игана (1772–1849): «Лондон! Ты всеобъемлющее слово» заменить пламенные пушкинские: «Москва! Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось!»

Да и накопилось, наверно, в его литературной жизни яростное отрицание и неприятие того, что «просвещенная» европейская и американская культурная элита незнакома с творчеством А. С. Пушкина.

И он решился. Но взвалить на себя такую непосильную ношу, как перевести на английский язык не просто с русского, не самого, говорят, легкого для перевода языка, не просто русского поэта, а самого А. С. Пушкина и его самый сложный роман в стихах...

Осуществив перевод «Евгения Онегина» на английский язык, В. Набоков, однако, не ограничился этим. Он пишет «Комментарии к «Евгению Онегину» — огромный, по-своему уникальный труд, также на английском языке.

Знарок истории американской литературы, редактор русского издания «Комментариев», академик РАЕН А. Н. Николукин во вступительной статье пишет:

«Комментарии Набокова, написанные в 50-е годы и опубликованные впервые в 1964 г., носят многоплановый характер, им сопутствуют пространные экскурсы в историю литературы и культуры, стихосложения, сравнительно-литературоведческий анализ. При этом раскрываются не только новые стороны романа Пушкина, но и эстетика самого Набокова-поэта».

В. Набоков в конце «Комментариев» вводит отдельную статью «Заметки о стихосложении», где пытается, как он пишет, с помощью «собственной простой терминологии», на примере английских стихотворных форм, перейти к «некоторым вещам, которые должен знать нерусский исследователь русской литературы о русском стихосложении вообще и о стихосложении «Евгения Онегина» — в частности».

В самом начале этой статьи Набоков пишет:

«Пушкин взят как величайший представитель русской поэзии; использование четырехстопного ямба Пушкиным и другими большими и малыми русскими поэтами характеризуется вполне конкретными... различиями. <...> ...О какой бы системе стихосложения ни шла речь... искусство поэта зависит от определенных контрастов и созвучий, от ограничений и вольностей, от отказов и уступок...»

***

Почему-то бытует мнение, что А. С. Пушкина западный читатель не знает и его поэтическую уникальность оценить не в силах, так как не было достойных переводчиков, либо их переводы не смогли донести до западного читателя всех тонкостей пушкинского стиля.

Однако это не так. Самый первый перевод «Евгения Онегина» на английский язык состоялся уже через сорок четыре года после смерти Александра Сергеевича. Его автором был полковник Генри Спальдинг. В тридцатых годах XX века появилось сразу три версии романа (О. Элтон, Д. П. Рэдин и Б. Дойч). Последняя

из перечисленных слыла образцовой до выхода в свет переводов Уолтера Арндта (1963) и Владимира Набокова (1964). Их публикации ознаменовались настоящими «битвами гигантов» в прессе, обвинявшими друг друга в низком качестве перевода самого Пушкина и поэзии вообще.

Арндт, осуществивший перевод с сохранением ритма и знаменитой «онегинской строфы», обвинил Набокова в отступлении от основных принципов перевода: в свою очередь Набоков высказался так, что именно сохранение этой внешней атрибутики в английском языке убивает суть поэмы и убивает сам ее «пушкинский дух».

Но на Набокове английские авторы не остановились. За более чем сорок лет (с 1964-го по 2008 год) было еще несколько удачных попыток перевода «Евгения Онегина» англоязычными авторами: в 1977 году сэром Чарльзом Джонстоном; в 1990 году — Джеймсом Э. Фаленом; в 1999 году — Дугласом Р. Хофстадтером и, наконец, в 2008 году — Стэнли Митчеллом. Последний из них — наиболее популярный в англоязычном мире, хотя по легкости чтения наиболее распространенной является версия именно Джеймса Фалена.

И все-таки, почему В. Набоков идет таким странным путем, предпочтя художественному, рифмованному переводу «подстрочный», или, как он еще его называет, «буквальный» перевод?

«...Я бы никогда не пустился в этот тусклый путь, — пишет он о своем переводе, — если бы не был уверен, что внимательному читателю всю солнечную сторону текста можно объяснить в тысяче и одном примечании... <...> Перекладывая «Евгения Онегина» с пушкинского русского языка на мой английский, я пожертвовал ради полноты смысла всеми элементами формы... я без колебаний приносил размер в жертву смыслу. ...Во имя моего идеального представления о буквализме я отказался от всего (изящества, благозвучия... хорошего вкуса... и даже грамматики), что изощренный подражатель ценит выше истины».

Согласитесь, это понять непросто...

И чтобы подвести некий промежуточный итог в оценке той уникальной работы, которую проделал В. В. Набоков в области пушкиноведения, привожу заключение из статьи «Переводческая деятельность В. В. Набокова» на сайте <reshal.ru/> («Учебный архив»):

«Любой автор знает... своего адресата. В. В. Набоков — все десять лет, что писал свой Комментарий, — видел этого самого адресата — американского студента.

<...> Другая причина — и главная: мы имеем дело с комментарием переводчика — прежде всего. Любой, кто переводил, знает, что Словарь — это последняя книга, к которой обращается переводчик. Гораздо важнее определить общий лексический фон, выбрать стиль, определить не словарное, но точное историческое и стилистическое соответствие. В этом смысле весь огромный свод английских стихов, зачастую даже позднейших, их французские переводы, а также все переводы «Онегина» на доступные этому переводчику языки суть работа профессионала, которая обычно выносится за скобки. Здесь она — работа переводчика — воспроизведена в полной мере, и это безумно интересно. Но, кажется, не «американскому студенту», и не «широкому кругу читателей, учащимся и преподавателям», которым адресуют свои книги наши издатели, а другому профессионалу — филологу и переводчику».

***

Менее всего желал бы быть обвиненным в одностороннем написании «Страстей...», в пристрастии исключительно к одному Владимиру Набокову, игнорируя

творчество Юрия Лотмана. Соглашусь, однако, и с тем, что уникальность его литературного творчества в целом, и пушкинианы в частности, особо знакова и привлекательна для узких специалистов: филологов и переводчиков.

Однако для отечественных почитателей творчества А. С. Пушкина, думаю, все же ближе, а главное понятнее, Юрий Михайлович Лотман, объектом историко-литературных исследований которого на протяжении всей его научно-просветительской деятельности являлась общественная мысль и отечественная литература пушкинской эпохи.

При первом, поверхностном взгляде на оба «Комментария...» — В. Набокова и Ю. Лотмана — бросается в глаза явное несоответствие их объемов: у Набокова объем книги составляет 1005 страниц, у Лотмана раздел книги, куда входит «Комментарий», составляет всего 290 страниц.

Но при более детальном рассмотрении пушкинианы Ю. М. Лотмана соглашались с мыслью о том, что «Комментарием» к роману «Евгений Онегин» необходимо считать не только сам «Комментарий», но и три других его произведения, связанных как с самим творчеством А. С. Пушкина, так и с эпохой, в которой он жил:

«Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста» (80 страниц);

«Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся» (160 страниц);

Цикл телевизионных лекций «Беседы о русской культуре», транслировавшихся на отечественном телевидении в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века (35 передач):

I. Люди. Судьбы. Быт

II. Взаимоотношение людей и развитие культур

III. Культура и интеллигентность

IV. Человек и искусство

V. Пушкин и его окружение.

В первом из них («Спецкурс и вводные лекции...») автор буквально пунктиром обозначает основные принципы построения романа в стихах и его противоречия:

«Евгений Онегин» — трудное произведение. Самая легкость стиха, привычность содержания, знакомого с детства... парадоксально создают добавочные трудности в понимании... <...> Однако стоит преодолеть этот наивный оптимизм... чтобы сделалось очевидно, как далеки мы... от простого... понимания романа. ...Любое позитивное высказывание автора тут же незаметно может быть превращено в ироническое... ...Роман следует рассматривать не как механическую сумму высказываний автора... а как органический художественный мир, части которого живут... лишь в соотнесенности с целым» (Введение автора).

В «Биографии писателя» Ю. Лотман опирается на историю, которая «обусловила развитие определенных философских, нравственных, художественных принципов, повлияла на события, судьбы, характеры...» (Б. Ф. Егоров, «Личность и творчество Ю. М. Лотмана»).

«В редкую эпоху личная судьба человека была так тесно связана с историческими событиями — судьбами государств и народов, — как в годы жизни Пушкина».

*...Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались... —*

писал он в 1831 году в посвящении лицейской годовщине своей юности... «Вся мощь национальной жизни сосредоточилась в это время в литературе.

Такова была эпоха Пушкина» (Введение автора).

Телевизионные беседы «О русской культуре» наиболее ярко и эмоционально, в блестящем вербальном контакте со зрителями, представляли эпоху Пушкина во всей ее широте: от характеристики образованной части российского общества, составлявшей интеллектуальную европеизированную среду, и отдельных важных сторон жизни русской женщины (быт, учеба, бал) до освещения широкого круга вопросов культуры, искусства. Общения, быта, нравов, духовного мира людей — от бюрократии и государевых чинов («табель о рангах») до декабристов и близких друзей Пушкина.

И, наконец, сам «Комментарий». Б. Ф. Егоров в статье «Личность и творчество Ю. М. Лотмана» так характеризует его задачи:

«Каждое поколение живет в мире определенных временных, национальных, социальных, региональных культур, воспринимая и создавая духовные ценности, правила поведения, предметы быта, и далеко не все из них прочно закрепляются на века... Меняющийся культурный контекст может совершенно по-иному их трактовать и использовать...

С другой стороны, приевшаяся, стандартная обыденность целого ряда предметов духовной и материальной культуры, как правило, не закрепляется современниками в письменных и печатных текстах и может поэтому навсегда исчезнуть из исторической памяти. Историки Древней Руси, например, нигде не смогли обнаружить ответа на вопрос: солили наши предки огурцы или нет?..

Поэтому именно реалистические произведения требуют специального комментирования — не только словарного, но и объясняющего черты той жизни, которая лежит за текстом».

Сам Ю. М. Лотман в предисловии к «Комментарию» («От составителя») уточняет:

«Пушкинский текст в «Евгении Онегине»... и внетекстовой мир органически связаны, живут в постоянном взаимном отражении, перекликаются намеками, отсылками, то звуча в унисон, то бросая друг на друга иронический отсвет, то вступая в столкновение. Понять «Евгения Онегина», не зная окружающей Пушкина жизни — от глубоких движений идей эпохи до «мелочей» быта, — невозможно. Здесь важно все, вплоть до малейших черточек».

***

Давайте же вместе попробуем окунуться в мир «Евгения Онегина» и посмотреть его глубины глазами двух мудрых людей — писателя, поэта и переводчика Набокова и философа, культуролога и литературоведа Лотмана. Каждый из них поставил перед собой благородную и трудную задачу — донести понятие и смысл великой русской литературы до заинтересованного читателя, вне государственных, культурных, исторических и профессиональных границ, искусственно разделяющих человечество многие века.

Знаю, что это будет непросто, потребуются большие усилия и не менее большое желание. Но, думаю, все это будет вознаграждено — вознаграждено Любовью и познанием Истины!

